

Джалиль Нагиев
профессор, доктор филологических наук

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ И ГЕНЕТИЧЕСКИХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ТЮРКСКОГО И СЛАВЯНСКОГО ФОЛЬКЛОРА

SUMMARY

Typological and historical-genetic relationships of the South Slavic and Turkic heroic epos have deep roots, which are determined by common cultural and aesthetic patterns and are confirmed by the rich material. To study this question, one can limit oneself to South Slavic (Serbian, Bosnian) and Turkic (Azerbaijani) lyrical, epic and heroic epos. Especially numerous historical-typological relationships, manifested by specific «borrowings» and «influences», exist between the Serbian heroic epos, the Bosnian Muslim *sevdalinka* and Azerbaijani heroic dastans «Kitabi-Dede Korkud», «Koroglu» and lyrical folk poems.

Key words: Kitabi-Dede Korkud, *sevdalinki*, influences, heroic epic.

Типологические и историко-генетические взаимоотношения южнославянского и тюркского героического эпоса имеют глубокие корни, которые обуславливаются общими культурно-эстетическими закономерностями и подтверждаются богатым материалом. Для изучения этого вопроса можно ограничиться южнославянскими (сербскими, боснийскими) и тюркскими (азербайджанскими) лиро-эпическими и героическими эпосами. Особенно многочисленные историко-типологические взаимоотно-

шения, проявляющиеся конкретными «заимствованиями» и «влияниями», имеются между сербским юнацким эпосом, боснийскими мусульманскими севдалинками и Азербайджанскими героическими дастанами «Китаби-Деде Коркуд», «Кероглы» и народными лирическими стихотворными произведениями.

Мотив змееборчества имеет мифологический генезис, который широко разрабатывается в героическом эпосе тюркских и южнославянских народов. В сербском героическом эпосе имеются многочисленные сюжеты и образы, связанные с мотивом змееборчества. Особенно следует отметить образ богатырь-змеевич Змей Огненный-Вук, который описывается как сверхсильный герой. Вполне естественно может возникнуть вопрос о древности мифологических тем, сюжетов и мотивов, находящихся свое отражение в сербском героическом эпосе. Известный русский ученый И.Н.Голенищев-Кутузов по этому поводу писал: «Рассказы о змееборстве, свадебных путешествиях с преодолением сверхъестественных препятствий, о вилах, конях, говорящих человеческим голосом, несомненно, весьма почтенного возраста» (2, 244).

Тема змееборчества и в тюркском эпосе разработана достаточно широко. Ярким примером тому может служить сказание об огузском полифеме (циклопе) Тепегёзе. Мифологические представления древних тюрков о добре и зле сложились в самые древние времена. Как утверждает профессор Х.Г.Короглы, мотив о Полфеме в древнетюркской среде возник раньше, чем у древних греков (4, 275-288).

Примечателен в этом плане главный образ «Сербского героического эпоса» Марко Краевича. Отражая историческую личность, он все же воплотил в себе множество легендарных, мифологических и сказочных элементов. Не случайно, Марко Краевич часто выступает в роли героя-змееборца. Цикл песен о Марке Краевиче в историко-типологическом и генетическом плане больше всего

связан с тюркоязычным, в частности азербайджанским фольклором. Имеется много общего между образами Кероглы и Марко Кралевича, их коней Гирата и Шараца, а также типологических сходств их походов и авантур. Мотив о сабле Марко тоже имеет сходства с аналогичным мотивом тюркоязычного эпоса о сабле Кероглы (Мисри кылындж). Сабля Марка «подарена ему силой, она рассекает наковальню» (В.М.Жирмунский). В этом ее можно сравнить с мечом «калмыцкого богатыря Улан-Хожора», арабского антара и мечом Мисри кылындж Кероглы.

В азербайджанском «Кероглы» о легендарном происхождении сабли главного героя говорится, что Мисри кылындж подготовлен из камня, который «был осколком молнии, упавшим с неба». После проверки, ослепленный Гасан ханом, отец Ровшана (Кероглы) Алы-киши убедившись в подлинности оружия, протягивая ее своему сыну, говорит: «Эта такая сабля, перед которой ничто не устоит. Чего бы она ни коснулась, тотчас рассечет, разрежет» (28-29).

Образ чудесного коня также занимает особое место в азербайджанском и сербском эпосе. И.Н.Голенищев-Кутузов, изучая генезис некоторых мотивов «Сербского героического эпоса», в частности о происхождении образа коня Марко Кралевича, неслучайно писал: «Известно, что исследователи Сербского эпоса немало потрудились, разыскивая источники сюжетов песен о Кралевиче Марко...», «...не приходится сомневаться в том, что некоторые мотивы могли проникнуть в сербский эпос из венецианской Далмации и Дубровника, а также заносились через Константинополь на Балканы с Востока...» (2, 224).

В средневековом тюркском фольклоре образ коня, как помощника героя занимает большое место. Культ коня у тюркских народов, скорее всего, объясняется его типологическим характером, впоследствии выражает идеологию и религиозные мировоззрения древних племен и воплощается в мифологических мотивах и сюжетах, превращаясь в художественные образы в разных жанрах и видах фольклора.

Большая симпатия, даже настоящая любовь чувствуется в описании образа коня в самых ранних огузских сказаниях. У каждого героя огузского героического эпоса «Китаби-Деде Коркуд» имеются свои любимые кони, которые являются их верными друзьями, а иногда и спасителями. Одним из наиболее характерных мотивов, связанных с мотивом чудесного коня, является миф о сказочной крылатой и водяной лошади. Мотив образа коня в сербском эпосе имеет в основном типологические, а иногда и генетические сходства с тюркским эпосом, что подтверждается сопоставительным анализом Гирата, водяного коня Кероглы, с шарцем, конем Марко Кралевича.

Мотивы и сюжеты героического эпоса в определенной форме и на определенном уровне сохранили архаический миф и связанное с этим тотемическое представление о первобытной общине. Отмечая генезис возникновения тотемизма, Е.А.Костюхин пишет: «Набор героев тотемических мифов и генетически с ним связанных мифов о зоопоморфных культурных героях поразителен. Он опровергает бытующее еще представление о том, что тотемически мыслящий человек искал себе в животном и растительном мире союзников и заступников» (5, 33).

Тотемические представления имеют определенное место и в тюркской и южнославянской мифологии, что нашло свое отражение как в малых жанрах (сказки, притчи, легенды, предания и т.д.) фольклора, так и в героическом эпосе этих народов. Происхождение некоторых сюжетов и персонажей «Китаби-Деде Коркуд» и «Сербского эпоса» непосредственно связано с тотемическими представлениями и архаическими мифами древнетюркских и древнеславянских народов.

Один из персонажей – Ханлар Ханы Хан Байандур (главный хан) огузского эпоса «Китаби-Деде Коркуд» называется сыном тигра «Гамьан» (Тигр), а про другого популярного героя Казан хана того же эпоса говорится, что он «Тулу гушун йаврусу» (Детеныш легендарной пти-

цы Тулу). Особо следует отметить образ волка (сербский вук, древнетюркский «бюря», «гурд»), который занимает большое место в тюркской и славянской мифологиях, и следовательно, в эпическом народном творчестве этих народов (см.: «Змей Огненный-Вук» в сербском эпосе). В одной песне «Китаби-Деде Коркуд» один из главных героев эпоса Салор-Казан, обращаясь к волку, говорит: «Гурд цзц мцбаряк олар». Образ волка, как одного из древних тотемов, часто встречается в эпических народных традициях разных народов мира (скандинавских, германских, славянских и тюркских). Проследить общее тотемическое происхождение образа волка в скандинавском, кельтском, славянском и тюркском эпосе достаточно трудно, тем не менее, он имеет огромное значение в изучении эволюции развития и преемственности этого мотива. Как подтверждают многочисленные известные исследователи-тюркологи (Рашид-ад Дин, Н.Я.Бичурин (Иакниф), Г.Потанин, Н.Гумилев), волк является тотемом и у древних гуннов.

Тотемическое представление играет большую роль в южнославянских эпических песнях. Это, прежде всего, отражается в этнонимах некоторых героев и их мифологического характера родословии. Этноним Вук (волк) чаще встречается в южнославянских юнацких (героических) песнях. Генезис зарождения этого этнонима, несомненно, связан с мифологическими представлениями южнославянских народов. Если иметь в виду, что в самые древние времена предки южных славян, в частности сербов, как подтверждает и известный сербский романтический поэт Й.Илич, были связаны с этническими группами, проживающими на Кавказе, то можно предложить, что некоторые религиозные представления кавказцев, проживающих на этой территории древних тюркских этнических групп, имели определенное влияние на возникновение тотемизма у древних славянских народов.

В южнославянском и тюркском (в частности азербайджанском) героических эпосах имеются некоторые

мотивы и сюжеты, анализируя которые можно с уверенностью утверждать, что между ними есть возможность генетическая связь. Как известно во многих (самых древних, подлинных) версиях «Кероглы» мотив смерти героя отсутствует. Его нет и в сербском героическом эпосе.

В описании образа коня в южнославянском и тюркском (в частности азербайджанском) эпосах, наряду с некоторыми типологическими сходениями, имеются мотивы, сюжеты и образы, свидетельствующие о взаимоотношениях генетического порядка. Тотемический характер коня отражается в фольклоре самых разных народов мира и это, естественно, носит зачастую чисто типологический характер. Тем не менее, имеются и такие мифопоэтические и сказочные мотивы и сюжеты на эту тему в южнославянском и тюркском эпосах, которые относятся, скорее всего, к генетическим взаимоотношениям.

Например, Гырат и Дюрат в «Кероглы» имеют фантастическо-мифологическое происхождение: они вышли (родились) из морской пучины (пены). Они имели крылья, то есть были крылатыми (как греческий Пегас, тюркский тулпар). Наличие крыльев у коня в южнославянском и тюркском эпосе, скорее всего, носит генетический характер. Примечательны в этом смысле следующие слова В.М. Жирмунского: «В древней сказке, вобравшей в себя элементы мифа, богатырские кони часто бывают крылатыми (Stith. Thompson, P. 41). Героический эпос тюркоязычных народов сохранил образ крылатого коня – «тулпара». Таким крылатым тулпаром является в узбекском эпосе конь Алпамыша Байчибар; крылат и Гырат (или Кират), знаменитый богатырский конь народного героя Кероглы (Героглы). Кроме того, Гырат – «водяной конь», вышедший из озера (или из моря). Крылья у него находятся подмышками, они зеленые («яшил»), размером в «три с половиной аршина», а развертывается при беге, который превращается, как в описании скачки в «Алпамыш»е, в волшебный полет» (3, 208-209).

Следует отметить, что в отличие от Байчибара, в азербайджанском эпосе у Кирата крылья расположены не в «подмышках», а в «плечах» (на спине). В азербайджанском варианте «Кероглы» он описывается следующим образом; «Сначала Ровшан не поверил своим глазам. На плечах коня в правом стойле были два крыла. Крылья горели как огонь, сверкали золотом» (1, 25).

Аналогично Байчибару и Кирату, крылатым является и конь воеводы Момчила Ябочило. По этому поводу В.М. Жирмунский писал: «По народному рассказу, который приведен Вуком Караджичом в примечании к песне, конь этот – водяной; он происходит от жеребца, живущего в одном озере («негде у некоком жезеру био крылат кон»)» (3, 209-210).

Эпический образ крылатого коня, возможно, сначала создавался в тюркской эпической традиции, а впоследствии, в результате культурных и, естественно, фольклорных взаимоотношений проник в южнославянский эпос.

Приведенные выше, хоть и не многочисленные, но весьма убедительные примеры дают право утверждать, что как историко-типологические, так и историко-генетические взаимоотношения возможны в героическом эпосе различных этнически неродственных народов.

Список использованной литературы

Азърбайъан дастанлары, 5 ъилддя, IV ъилд, «Короблу» дастаны, Баы: Азърб. ССР ЕА няшрийаты, 1969, сящ. 28-29

Голенищев-Кутузов И.Н. Эпос сербского народа, см. в кн.: Эпос сербского народа, М.:Изд. АН СССР, 1963, стр. 244

Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад, стр. 208-209

Короглы Х.Г. Из восточно-западных фольклорных связей. Тема-глаз (Депегэз) и Полифем, см. в кн.: Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада, стр. 275-288

Костюхин Е.А. Типы и формы животного эпоса, М.:Наука, 1987, стр.33

РЕЗЮМЕ

Типологические и историко-генетические взаимоотношения южнославянского и тюркского героического эпоса имеют глубокие корни, которые обуславливаются общими культурно-эстетическими закономерностями и подтверждаются богатым материалом. Для изучения этого вопроса можно ограничиться южнославянскими (сербскими, боснийскими) и тюркскими (азербайджанскими) лиро-эпическими и героическими эпосами. Особенно многочисленными историко-типологическими взаимоотношениями, проявляющиеся конкретными «заимствованиями» и «влияниями», имеются между сербским юнацким эпосом, боснийскими мусульманскими севдалинками и Азербайджанскими героическими дастанами «Китаби-Деде Коркуд», «Кероглы» и народными лирическими стихотворными произведениями.

Ключевые слова: «Китаби-Деде Коркуд», севдалинки, влияния, героический эпос.